УДК 902.03

Поступила в редакцию: 28.03.2024
Доработана после рецензирования: 12.11.2024
Принята к публикации: 17.11.2025

Начальный этап формирования археологического микрорайона (по материалам археологии и этнографии русских первопроходцев)

Сергей Семёнович Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия
E-mail: semchi957@gmail.com

Аннотация. Автор рассматривает процесс сложения одного из позднесредневековых археологических микрорайонов (АМР), сформированного русскими первопроходцами в среднем течении р. Томь. Первыми здесь, на левобережье Томи между устьями рек Мунгат и Уньга, поселились крестьяне – выходцы из деревень, расположенных к северу от Кузнецкой крепости. В 1715 г. для их охраны был поставлен Мунгатский острог, тем самым было завершено освоение русскими первопроходцами всего течения Томи. Примерно в конце первой трети XVIII в. все земли на указанном участке были освоены и началось уплотнение сложившейся системы расселения за счет организации деревень в среднем и верхнем течении небольших левых притоков Томи, а также освоения правого берега реки. По мнению автора, каждую из этих деревень можно считать первичным археологическим микрорайоном, т.к. они занимали ограниченную территорию и отстояли от ближайших деревень на расстояние 10 и более километров, а вокруг них формируются хозяйственные территории. Одна из них – Крапивино, которая находилась в непосредственной близости от Мунгатского острога. На примере этой деревни автор рассматривает формирование АМР и усложнение его структуры. Близ каждого из этих двух населенных пунктов формируются кладбища (даже несколько), появляются храмы, возникают местные дороги, ведущие от острога к деревне, и от них на места ведения хозяйства – пашни, покосы, места заготовки древесины, рыболовные угодья и т.д. В первой трети XX в. острог и деревня слились в единый населенный пункт с несколькими кладбищами, окруженными хозяйственными и промысловыми сооружениями: мельницами, пасеками, летними станами на покосах, местами заготовки камней для изготовления точил и жерновов и т.д. Возможными границами этого комплекса были пороги на р. Томь, а острог и деревню разделяли колки (небольшие лесные массивы) и выпасы, часть из которых использовались как аэродромы в 1940–1960 гг.

Ключевые слова: археологический микрорайон, система расселения русских и аборигенов, Западная Сибирь, крестьянская колонизация

Цитирование. Тихонов С.С., 2025. Начальный этап формирования археологического микрорайона (по материалам археологии и этнографии русских первопроходцев), *Уфимский археологический вестник*, т. 25, № 4, с. 824–830. https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.4.054

Финансирование. Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0013 «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков».

UDC 902.03

Received: 28.03.2024
Revised: 12.11.2024
Accepted: 17.11.2025

Initial Stage of Archaeological Microdistrict Formation (based on archeology and ethnography of Russian pioneers)

Sergey S. Tikhonov

Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
E-mail: semchi957@gmail.com

Abstract. Studying archaeological microdistricts is certainly a topic for an archaeological research that makes scientists rely on excavation findings trying to understand how the history of the area unfolded and what the ancient or Medieval people culture looked like. A more comprehensive reconstruction is achieved using written, ethnographic, geographic and other sources that can enhance the study's veracity. However, there is one aspect to the archaeological microdistricts history. This is its formation. The author uses cartographic data, oral stories and limited archaeological evidence to show how Russian peasant arrived at the new pristine place in the early 1700^{s}, how they formed a network of villages, each believed to be an archaeological microdistrict. This

does not contradict with the existing definition of an archaeological microdistrict as a cluster of monuments inside an outlined territory. It shows how two settlements (one comprised with two nearly unrelated parts) situated next one to another 2 km apart merge into one big settlement and keep stretching and budding with a range of small village parts. From the archaeological point of view, every part like this can be interpreted as an independent complex as it is separated from the original settlement and lays 200 or more meters away. Throughout its lifetime, Ostrog-Krapivino complex was forming periphery around it. This territory was farmed lands with temporary structures. As the complex grew, these lands were agglomerated and farming moved to other sites.

Keywords: archaeological microdistrict, system of settlement of Russians and aborigines, Western Siberia, peasant colonization

Citation. Tikhonov, S.S., 2025, "Initial Stage of Archaeological Microdistrict Formation (based on archeology and ethnography of Russian pioneers)", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 25, no. 4, pp. 824–830. (In Russ.) https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.4.054

Funding. The study was conducted under R&D project of the Institute of Archaeology and Ethnography under the RAS Siberian Branch No. FWZG-2025-0013 Formation of Original Traits of the Russian Civilization and Establishment of the Empire based on Materials from 1500^{s}–1900^{s} Siberian Monuments.

Введение

С начала 1990 гг. небольшой коллектив омских археологов, возглавляемый В.И. Матющенко, а после его смерти – автор данной статьи и его коллеги занимались изучением археологических микрорайонов (АМР) Западной Сибири. Результатом работ стала методика изучения АМР [Тихонов, 2018. С. 23–30; 2019. С. 224–230] и концепция их формирования, изложенная в двух монографиях [Большаник и др., 2001; Татауров и др., 2011], серии статей и докладах на конференциях [Археологические микрорайоны…, 1994; 1998; 2004; 2009]. Отечественные ученые и исследователи из ближнего зарубежья присоединились к разработке этой тематики, и часть из них добились хороших результатов [Волков, 2007; Троицкая, Сумин, Адамов, 2012; Русланов, 2023]. Со временем в интересах омских ученых стали доминировать вопросы изучения связанных с АМР проблем этнографо-археологических комплексов (ЭАК), системы расселения населения в Западной Сибири и поздних археологических памятников аборигенов и русских первопроходцев на этой территории.

Материалы и методы

В данной работе рассматривается процесс формирования археологического микрорайона в районе современного пос. Крапивинский (иначе – Крапивино) русскими в первой трети XVIII в. и заселения левобережной поймы р. Томь в ее среднем течении. Источниками послужили археологически материалы, полученные археологами Кузбасса [Ширин, 1995. С. 57–64; 1998. С. 28–33; 2017. С. 71–76], касающихся Мунгатского острога. Сюда же отнесу данные о синхронных ему археологизированных комплексах. К ним я отношу старую часть Крапивино (после 1732 г.), расположенную по левому берегу р. Быструха (правый приток Томи), которую называли «Фолинский край». Рядом с ним находилась церковь (снесена до 1941 г.) и прицерковное кладбище. Более поздняя часть деревни называлась «Худяшовский край». К XIX в. относятся «Боярки» и кладбище поблизости их. Имеется и кладбище (Старое кладбище) конца XVIII в., ставшее общекрапивинским после 1940-х гг. Места их расположения были локализованы и осмотрены автором. К сожалению, их раскопки не проводились. Исключение составляет церковь Фолинского края, где при строительных работах в конце 1930-х гг. были найдены скелеты людей. Автором в 1970–1990-е гг. собраны сведения по истории Крапивино у жителей деревни, рожденных в 1888–1941 гг. Эти сведения хранятся в его личном архиве и частично опубликованы [Тихонов, 2011. С. 409–413; 2013. С. 133–136].

Обсуждение

Методологические аспекты

Полагаю, что природа любого археологического микрорайона двойственна. С одной стороны – это совокупность археологических памятников на ограниченной территории, находящаяся на некотором расстоянии от аналогичной группы объектов[1]. С другой стороны, АМР является научной конструкцией, удобной для анализа особенностей расселения и землепользования древнего и средневекового населения, изучения локальной культурно-хронологической и стратиграфической колонки и прочее. Конструкцию создает исследователь, основываясь на полевых материалах, не всегда полно отражающих реалии прошлого, но достаточных для начала анализа.

Полагаю, что процесс формирования АМР (иначе – локальной группы объектов) в любое время одинаков, и начинается с приходом на новое место группы населения. Конечно, в практической работе специалисты имеют дело с совокупностью археологически памятников. Но более полно начальный этап этого процесса может быть проанализирован при изучении этнографо-археологических комплексов.

[1] В данном случае не будем касаться практики выделения и описания АМР: какое количество памятников достаточно для того, чтобы их можно было бы назвать АМР, какова площадь, занимаемая непосредственно памятниками, включать ли в площадь АМР промысловые территории, на каком расстоянии находится другой АМР, какова его хронологическая глубина и т.д.

Логично предположить, что заселение конкретной местности, признанной благоприятной для длительного проживания, начинается с прихода сюда группы населения. Здесь пришельцы основывают поселение (деревню, станец, аул, хутор, юрты и т.д.), вокруг которого со временем возникает периферия. Она может включать священные места, кладбища, места ведения промыслов, типа охотничьих заимок, рыбацких избушек, выпасов мест заготовки кормов для скота, древесины для строительства и отопления жилищ и т.п. Естественно, что возникает как сеть местных дорожек и тропинок, так и пути к местам проживания других групп населения.

Полагаю, что основные требования к новому месту должны быть следующие:

1) оно должно быть незанятым, иначе пришлось бы приложить усилия для «импульсации» предыдущего населения. Но в любом случае это было бы вторичным заселением уже формирующегося АМР. Если переселяется большая группа и формируется несколько поселений, то разница будет лишь в масштабах, но не в алгоритме заселения;

2) на осваиваемой площади должны быть необходимые и достаточные для жизни коллектива ресурсы;

3) переселенцы должны были иметь какие-то представления о новом месте проживания – хотя бы о его природе, безопасности проживания, возможности установления контактов с окружающими группами населения.

Конечно, каждое из вышеуказанных положений должно быть обосновано, и работа в этом направлении ведется автором, но не в рамках данной статьи.

Фактически алгоритм создания населенного пункта на незанятой территории может быть прослежен по письменным, этнографическим, картографическим или иным данным. В качестве возможных вариантов можно рассмотреть постройку целинных поселков на территории РСФСР и Казахстана в середине XX в., освоение прерий бассейна Миссисипи белыми поселенцами в XIX в., проникновение скотоводов-гаучо в пампу Латинской Америке в XVII–XVIII вв., заселения вельда африканерами в Южной Африке в XVII в. и позже, и т.д. Проблемой является соотнесение этих данных с археологическими свидетельствами. И, по моему мнению, материалы о формировании русского анклава ниже устья р. Мунгат (левый приток Томи) позволяет эту лакуну отчасти убрать.

Незанятые территории на Томи

Считаю, на рассматриваемой территории по обоим берегам р. Томь от устья р. Осипово (правый приток Томи, примерно 20 км выше Крапивино) до устья р. Порывайка (правый приток Томи, примерно 20 км ниже Крапивино) до прихода сюда русских не было постоянного населения. Об этом свидетельствует полное отсутствие археологических памятников на этом участке. Разведки здесь проводились с разной интенсивностью начиная с 1940 г., но был найден только позднебронзовый памятник в 100 м выше д. Змеинка, где в 1978 г. А.М. Коротаев собрал подъемный материал [Кулемзин, Бородкин, 1989. С. 65]. В то время как ниже р. Порывайка археологические памятники имеются. Некоторые из них изучал Ю.В. Ширин в конце 1990 гг. [Ширин, 2004. С. 69–112]. Другие, не зафиксированные археологами объекты в районе устья Уньги (левый приток Томи), показал мне В.М. Кимеев. Выше р. Осипово в Лачиновской курье серия археологических памятников зафиксирована во время работы отряда «Волна» при строительстве Крапивинской ГЭС [Кулемзин, Бородкин, 1989. С. 63–69].

Мне могут возразить, что не исключено, что когда-нибудь искомые памятники будут найдены. С этим нельзя не согласиться, но жители Крапивино и окрестных деревень никогда не говорили мне о курганах, городищах, старых кладбищах в этом районе. Названа только д. Курганы (иначе – Нижнеярская, Березовоярка, Нижняя), находящаяся в районе Порывайского порога. В краеведческом музее Крапивино археология отсутствует (автор изучал фонды в начале 2000-х гг.), хотя местные жители время от времени привозят туда разные предметы[2]. Поэтому пока нет оснований считать, что именно эта локальная территория имела постоянное население в древности и средневековье.

Начало формирования АМР

В начале XVIII в. сюда, на незанятые земли, пограничные между Кузнецким и Томским дистриктами переселяются крестьяне, и образуют деревни чуть южнее порога Порывайки на левом берегу Томи (Банново-Банная, Березовка, Березовоярка-Нижняя-Курганы). Что касается границ угодий пришлого населения, то ими могли быть перекаты и пороги на Томи. Так, выше Крапивино находится Верхнекрапивинский перекат, ниже Острога – Мунгатский перекат [Тихонов, 2024. С. 170–171].

Для их защиты новых деревень власти устраивают Мунгатский острог в 2 км ниже устья одноименной реки. Это первый населенный пункт,

[2] Казалось бы, отсутствие сведений местных жителей не является серьезным аргументом. Однако, напомню, что они знают местность лучше археологов. И в ряде случаев они очень точно объясняли мне, где находились места расположения старых (заброшенных) пасек, «балаганов» на удаленных покосах, несуществующих ныне деревень и удобные дороги к ним. Я и сам в 1990–2005 гг. предпринимал несколько попыток найти археологические объекты, но безуспешно. В то же время мне известно, что в Омской области местные жители прекрасно знали места, где находятся древности. В этом я еще больше убедился, изучая материалы Исторического архива Омской области. В целом же тема «Знания местного населения о территории проживания и объектах древности на ней» не разработана.

Таблица 1. Фамилии и имена жителей деревень близ Кузнецка на 1719 г.
Table 1. Last and first names of people leaving in villages near Kuznetsk in 1719

	д. Сидерова	д. Терехина	д. Тихонова
Ощеуловы/ Ащеуловы	Елизарий, Иван, Микифор, Афанасей Алексей, Гарасим Иван Савелий, Андрей, Иван		Елизарий, Никифор, Афанасей, Иван, Алексей, Иван, Герасим, Андрей, Герасим, Степан, Иван, Савелий, Иван
Тихоновы		Иван	Яков, Матвей, Федор, Федор
Тузовские	Федор, Иван, Федор, Иван, Кирилл, Петр,		Иван, Федор, Иван
Шебалины	Семен, Семен	Максим, Василий	Семен

Составлено по: РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 16–11, лл. 100–105, 107–108, 114–117, 119; РГАДА, ф. 350, оп. 1, кн. 214, л. 2–44.

давший начало Крапивинскому АМР. Место, занимаемое им, было удобно и безопасно для проживания. Окружающие земли способствовали ведению земледелия, занятию скотоводством, были богаты дикоросами и удобны для рыбной ловли в Томи, в ее левых притоках Быструха и Мунгат, а также в небольших озерах в затапливаемой пойме на правом берегу Томи.

В 1732 г. примерно в 2 км к югу от острога на левом берегу р. Быструха (левый приток Томи) возникает д. Крапивино (есть несколько производных от этого топонима). Возможно, это были выходцы из деревень, находящихся на правобережье Томи ниже Кузнецкой крепости. В РГАДА были найдены материалы, позволившие сопоставить фамилии крапивинских старожилов 1950–1960 гг. с фамилиями служилых людей и крестьян кузнецких деревень в 1719 г. (табл. 1). Интересно, что сходство прослеживается не только пофамильное; есть и одинаковые («родовые»?) имена. Но именно этот сюжет требует углубленного изучения.

Первичная структура АМР

На незаселенной территории будущего районного центра Кемеровской области на расстоянии 2 км друг от друга с небольшим хронологическим интервалом возникают два населенных пункта.

Первый – Мунгатский острог на берегу р. Томи. Он был поставлен на подтреугольном мысу коренной террасы. К северу от него располагалась широкая затапливаемая пойма, называемая Займище, которая когда-то была клюквенным болотом, и местом проживания лосей и журавлей. Случилось так, что в 1960-е гг. здесь были проведены мелиорационные работы. Поэтому в наши дни это фактически пастбище с большим количеством тальника и хвойными деревьями по пойменным островам. С юга острог был ограничен логом, который имел название «Долгий». В этих границах острог (в разное время он носил название Острог, Мунгатский станец или Мунгат) существовал примерно до середины XX в. В центре острога на площади стояла церковь. Но есть сведения, что в XIX в. вместо церкви стояла часовня, находилась она в пойме под горой, и была снесена ледоходом. По преданиям, острожное кладбище находилось к западу от него на краю террасы. Границей Острога был лог, располагавшийся южнее его. Но в XX в. все захоронения жителей Острога совершались на кладбище по ул. Островского (на рис. 1 – «Старое кладбище»).

Крапивино – второй населенный пункт, состоявший из двух фактически не связанных частей (по крайней мере, в середине XIX в.), называемых «Фолинский край» и «Худяшовский край» Между ними находилась площадь, на которой был торг, стояла церковь и поповский дом, рядом с которым было озеро, называемое «Поповским» (в первой половине XX в. между 1930 и 1950 гг., его спустили в Быструху). У церкви было кладбище. По преданиям, перед войной в этом месте вели земляные работы и обнаружили несколько захоронений. Косвенно на северные границы деревни указывают довоенный аэродром по ул. Кирова, старое кладбище по ул. Островского, и рассказы о колках в районе этого кладбища, где собирали клубнику. Южная граница определялась берегом Быструхи.

В конце XIX – начале XX в. на правом берегу Быструхи вдоль Томи возникает третья часть деревни, называемая «Боярки». Здесь же на устье Быструхи недолго существовало кладбище. По некоторым устным свидетельствам до постройки деревянного моста через Быструху в весеннее половодье Боярки были изолированы от Крапивино.

Этапы роста АМР

До коллективизации 1930-х гг. население Мунгата и Крапивино практические не росло. Но затем было несколько периодов роста деревни. В начале 1930-х гг. сюда переселились крестьяне с Алтая, уходившие от коллективизации. Возможно, они поселились на правом берегу Быструхи по ее притоку Иман, или по Кедровке (левый приток Мунгата). Однако, многие из них вскоре были высланы в Нарымский край.

В 1960-х гг. земли по правому берегу Быструхи были заняты жилыми и служебными помещениями геологической организации, которая организовывали и вела добычу ртути в тайге на Белоосиповском руднике. Это было одной из причин закрытия аэродрома 1950–1960 гг. Второй, основной, причиной этого была прокладка хорошей дороги в Кемерово.

После 1970 г. на окраинах деревни построились строители Зеленогорской ГЭС, но основной контингент строителей жил в Зеленогорске.

Последние 15–20 лет жилищное строительство идет к северу от бывшего Мунгатского острога в пойме на берегу Томи, на Цыгановой гриве в южной части деревни (но здесь имеются проблемы с питьевой водой, которую тяжело поставлять на большую высоту). Продолжает существовать поселок около угольной шахты. Выше него по р. Мунгат возник «хутор» из двух хозяйств на ручьях Марашки. Современное кладбище основали на Батищевой гриве. Иными словами, из-за невозможности строиться в Крапивино для похорон и нового жилья стали использовать земли сельскохозяйственного назначения. На самом деле места для этого есть, но их продажу тяжело оформить юридически.

Дороги АМР

В разные стороны от Крапивино идут дороги. Полагаю, что первоначально их было три. Одна вела на север через острог по пойме Томи к переправе у д. Банное, далее правым берегом Томи на Черви (современное Старочервево), Верхотомку и далее в Томск. Вторая дорога вела на юг в Борисово, и далее в верховья Мунгата, на гору Елбак и Салаир, в Алтайский край. Третья дорога вела на запад, вверх по Быструхе с выходом на Казачий тракт и далее, либо вниз по Ине в Болотное, либо на север в Юргу. Отмечу также две местные дороги на угодья: по самому берегу Томи в урочище Камень на покосы, и через Томь в тайгу на правые притоки реки Осипово для заготовки древесины. Но последняя дорога стала активно использоваться после середины 1860-х гг. после появления деревень по правому берегу Томи (Фомиха, Тупичиха, Широкая щель) [Живем…, 2004. С. 132; Потанин, 2005. С. 43, 46].

Заключение

На свободных землях в первой трети XVIII в. близ устья р. Мунгат возникают два населенных пункта. С археологической точки зрения они выглядят как АМР с тремя несвязанными поселениями: Острог, Фолинский и Худяшовский края. В XIX в. появляется четвертый пункт – Боярки. Близ них формируются локальные кладбища. Конечно, это русские деревни и их части с одинаковым куль-

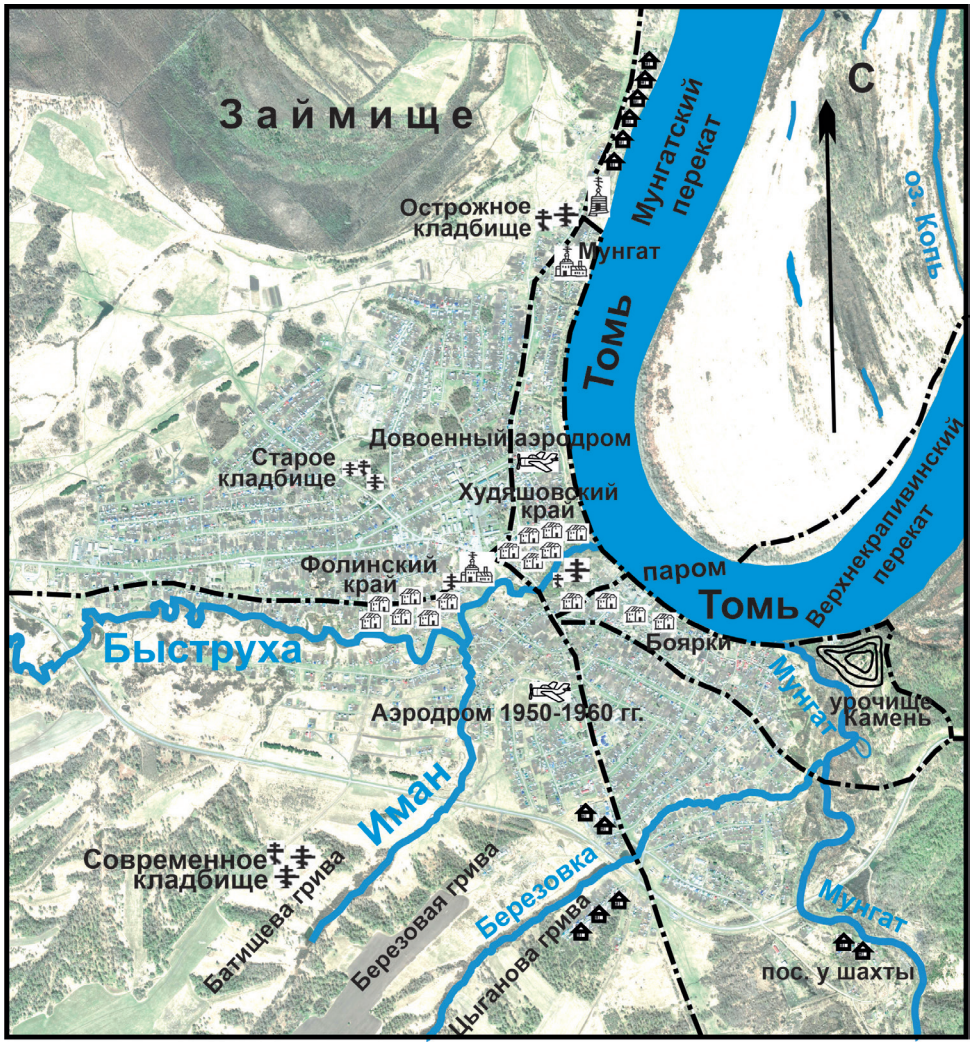

Рис. 1. Крапивино. Примерный план археологического микрорайона
Fig. 1. Krapivino. Archaeological microdistrict approximate layout

турным обликом, но с разными характеристиками культурного слоя. Его формирование во многом зависело от традиции избавляться от скотского навоза (возили на край террасы на Томи, вывозили на лед Быструхи, сваливали под террасу на болото), а также насыщенностью керамикой или наличием каменных грузил в местах разбора неводов. С течением времени свободные территории между всеми вышеуказанными пунктами застраиваются, мелкие кладбища перестают функционировать, и образуется единая деревня с общим кладбищем. Далее деревня разрастается, старые кладбища закрывают, но появляется новое на Батищевой гриве. Вокруг поселка появляются новые удаленные от него микрорайоны на гривах, у шахты, в пойме Томи. Не исключено, что такая модель освоения территории могла существовать и в древности.

Что касается этнического состава, то в начале XX в. здесь были следующие группы населения: челдоны (русские старожилы), татары (по-другому – ясашные) – возможно обрусевшие и ассимилированные тюльберы, ничем не отличающиеся от русских, и «россейские» (иначе – чуваши, пришедшие сюда в конце XIX в.). В целом же история формирования современного Крапивино, по моему мнению, отражает процесс формирования АМР (и может быть одной из его моделей), который быстро трансформировался в этнографо-археологический комплекс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические микрорайоны…, 1994. *Археологические микрорайоны Западной Сибири: тезисы докладов Всеросс. науч. конф.* Омск: ОмГУ, 177 с.

Археологические микрорайоны…, 1998. *Археологические микрорайоны Западной Сибири: материалы науч. конф*. Омск: ОмГУ, 88 с.

Археологические микрорайоны…, 2004. *Археологические микрорайоны Западной Сибири: материалы науч. конф*. Омск: [б.и.], 114 с.

Археологические микрорайоны…, 2009. *Археологические микрорайоны Северной Евразии: материалы науч. конф*. Омск: Апельсин, 168 с.

Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Толпеко И.В., 2001. *Нижнетарский археологический микрорайон*. Новосибирск: Наука, 256 с.

Волков Е.Н., 2007. *Комплекс археологических памятников Ингальская долина*. Новосибирск: Наука, 224 с.

Живем…, 2004. *Живем Крапивинской судьбою: очерки истории Крапивинского района*. Новосибирск: ЦЭРИС, 480 с.

Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М., 1989. *Археологическая карта Кемеровской области*. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 158 с.

Потанин Г.Н., 2005. О рабочем классе в ближней тайге. Из очерков по Сибири, *Г.Н. Потанин. Избранные сочинения: в 3 т. Т. II. Общественно-политические произведения*. Павлодар: ЭКО, с. 36–48.

Русланов Е.В., 2003. *Археологические микрорайоны Южного Урала: теория и практика научного изучения*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 260 с.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А., 2011. *Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований*. Омск: Наука, 196 с.

Тихонов С.С., 2011. О возможности изучения этнографо-археологических комплексов русских в среднем течении Томи, *Междунар. науч. конгресс «Этническая история и культура тюркских народов Евразии»*. Омск: Издатель-Полиграфист, с. 409–413.

Тихонов С.С., 2013. Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области, *Вестник Кузбасского государственного технического университета*, № 3 (97), с. 133–136.

Тихонов С.С., 2018. Изучение археологических микрорайонов: основные положения концепции В.И. Матющенко, *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*, № 3 (19), с. 23–30. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.3.23-30

Тихонов С.С., 2019. 30 лет исследований археологических микрорайонов (современное состояние концепции в отечественной науке), *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*, № 4 (24), с. 224–230. https://doi.org/10.24147/2312-1300.2019.4.224-230

Тихонов С.С., 2024. О маркерах границ территорий расселения русских в Среднем Притомье в начале XVIII – середине XX веков, *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 2 (65), с. 167–174. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-14

Троицкая Т.Н., Сумин А.В., Адамов А.А., 2012. *Древности Кудряшовского бора: Крохалевка 13 – комплекс археологических памятников*. Новосибирск: Ярус, 76 с.

Ширин Ю.В., 1995. Археологические работы на Томи и Чулыме в 1940 г., *Труды Томского государственного объединённого историко-архитектурного музея*. Томск: ТГУ, с. 57–64.

Ширин Ю.В., 2004. Городище Городок и его окрестности в древности, *Кузнецкая старина*. Вып. 6. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, с. 69–112.

Ширин Ю.В., 2017. О месте и условиях появления Мунгатского острога, *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*, № 3 (15), с. 71–76. https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.71-76

REFERENCES

Archaeological microdistricts..., 1994, *Archaeological microdistricts of Western Siberia: abstracts of the All-Russian Scientific Conference*. OmGU, Omsk, 177 p. (In Russ.)

Archaeological microdistricts..., 1998, *Archaeological microdistricts of Western Siberia: materials of the scientific conference*. OmGU, Omsk, 88 p. (In Russ.)

Archaeological microdistricts..., 2004, *Archaeological microdistricts of Western Siberia: materials of the scientific conference*. Omsk, 114 p. (In Russ.)

Archaeological microdistricts..., 2009, *Archaeological microdistricts of Western Siberia: materials of the scientific conference*. Apelsin, Omsk, 168 p. (In Russ.)

Bolshanik, P.V., Zhuk, A.V., Matyushchenko, V.I., Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Tikhonov, S.S., Tolpeko, I.V., 2001, *Nizhnetarsky archaeological microdistrict*. Nauka, Novosibirsk, 256 p. (In Russ.)

Volkov, E.N., 2007, *The complex of archaeological sites Ingalskaya dolina*. Nauka, Novosibirsk, 224 p. (In Russ.)

We live..., 2004. *We live by the Krapivinsky fate: essays on the history of the Krapivinsky district*. TSERIS, Novosibirsk, 480 p. (In Russ.)

Kulemzin, A.M., Borodkin, Y.M., 1989, *Archaeological map of the Kemerovo region.* Kemerovo Publishing House, Kemerovo, 158 p. (In Russ.)

Potanin, G.N., 2005, "About the working class in the near taiga. From essays on Siberia", *G.N. Potanin. Selected works: in 3 volumes, vol. II. Socio-political works*, ECO, Pavlodar, pp. 36–48. (In Russ.)

Ruslanov, E.V., 2003, *Archaeological microdistricts of the Southern Urals: theory and practice of scientific study*. IIYaL UFIC RAN, Ufa, 260 p. (In Russ.)

Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Tikhonov, S.S., Sherstobitova, O.S., Garkusha, M.A., 2011, *Archaeological microdistricts of Western Siberia: theory and practice of research*. Nauka, Omsk, 196 p. (In Russ.)

Tikhonov, S.S., 2011, "On the possibility of studying ethnographic-archaeological complexes of Russians in the middle reaches of the Tom", *International Scientific Congress "Ethnic History and Culture of the Turkic Peoples of Eurasia"*, Izdatel-Poligrafist, Omsk, pp. 409–413. (In Russ.) (In Russ.)

Tikhonov, S.S., 2013," Ethnographer and archaeological complexes of Russian tire a little and the possibility of their study (based on the middle reaches of river Tom in Kemerovo region)", *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, no. 3 (97), pp. 133–136. (In Russ.)

Tikhonov, S.S., 2018, "Study of the Archaeological Microregions: The Basic Provisions of the Concept of V.I. Matushchenko", *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, no. 3 (19), pp. 23–30. (In Russ.) https://doi.org/10.25513/2312-1300.2018.3.23-30

Tikhonov S.S., 2019, "30 Years of Research of Archaeological Microregions (The Current State of the Concept in Domestic Science)", *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, no. 4 (24), pp. 224–230. (In Russ.) https://doi.org/10.24147/2312-1300.2019.4.224-230

Tikhonov, S.S., 2024, "On territorial border markers of the settlement of Russians of the Middle Tom River region in the beginning of the 18th – mid 20th centuries", *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, no. 2 (65), pp. 167–174. (In Russ.) https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-14

Troitskaya, T.N., Sumin, A.V., Adamov, A.A., 2012, *Antiquities of Kudryashovsky Forest: Krokhalevka-13 – a Complex of Archaeological Sites*. Yarus, Novosibirsk, 76 p. (In Russ.)

Shirin, Yu.V., 1995, "Archaeological work on Tom and Chulym in 1940", *Proceedings of the Tomsk State United Historical and Architectural Museum*, TGU, Tomsk, pp. 57–64. (In Russ.)

Shirin, Yu.V., 2004, "Gorodok settlement and its surroundings in ancient times", *Kuznetsk antiquity*, iss. 6, Kuzneckaya krepost, Novokuznetsk, pp. 69–112. (In Russ.)

Shirin, Yu.V., 2017, "About Place and Conditions of Appearing of Mungat Burg", *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, no. 3 (15), pp. 71–76. (In Russ.) https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.71-76

Сведения об авторе

Сергей Семёнович Тихонов, кандидат исторических наук, доцент, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация, г. Омск. E-mail: semchi957@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6909-0727, Scopus ID: 57195509226

Information About the Author

Sergey S. Tikhonov, Cand. Sc. (History), associate professor, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Omsk. E-mail: semchi957@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6909-0727, Scopus ID: 57195509226